

**КРЫЛОВА
ДИНА ВЛАДИМИРОВНА**

зав. Проектно-учебной лаборатории
антикоррупционной политики НИУ ВШЭ

**МАКСИМЕНКО
АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ**

доктор социологических наук, доцент,
эксперт Проектно-учебной лаборатории
антикоррупционной политики НИУ ВШЭ

ЕСТЬ ЛИ У РОССИЙСКОГО КОРРУПЦИОНЕРА СОВЕСТЬ?

Совесьь твоя никогда не должна определяться социальностью, социальными группировками, мнением общества, она должна определяться из глубины духа, то есть быть свободной, быть стоянием перед Богом, ты должен быть социальным существом, то есть из духовной свободы определить свое отношение к обществу и к вопросам социальным...

Николай Бердяев¹

Психология коррупционера: дизайн исследования

Для предупреждения коррупционно мотивированных действий государственных и муниципальных служащих необходимо понимать механизмы принятия решений должностными лицами, осуществляющими функции, при реализации которых наиболее вероятно возникновение коррупции. Для этого в августе 2021 года мы провели серию экспертных интервью (16 шт.) с представителями разных профессиональных групп: региональные бизнес-омбудсмены (4 чел.), адвокаты (4 чел.), бывшие государственные служащие как федерального, так и регионального уровней (4 чел.), государственные служащие федерального уровня, осуществляющие надзор в сфере антикоррупционной деятельности (4 чел.).

¹ Бердяев Н. А. О назначении человека. М.: Республика, 1993. С. 151.

Целью было всестороннее изучение мотивации российских чиновников, осуществляющих коррупционно опасные функции. Так, согласно методическим рекомендациям Минтруда России по проведению оценки коррупционных рисков к «коррупционно опасным функциям может быть отнесено осуществление функций по контролю и надзору, управлению государственным имуществом, оказанию государственных услуг, а также разрешительных, регистрационных функций»².

В качестве основной гипотезы было выдвинуто предположение, что российским чиновникам-коррупционерам свойственна довольно высокая степень релятивизма, поддерживающая личные моральные стандарты и отвергающая универсальные моральные принципы. У данной категории должностных лиц имеется аргументированное и обоснованное мнение в пользу этики скептицизма и убежденность в том, что этические решения должны зависеть от ситуации и степени вовлеченности лиц. Их идеология представляет собой компромисс между потенциальными выгодами и вредом от рассматриваемого этического вопроса.

Описывая портрет чиновника, склонного к коррупционным деяниям, респонденты выделяют следующие пять наиболее ярко представленных черт: острый ум, профессиональные компетенции, цинизм, чувство вседозволенности, чувство собственного превосходства.

Все респонденты сообщили, что российские коррупционеры прагматично ориентированы и готовы игнорировать установленные правила, руководствуясь своими ценностями и взглядами. Они убеждены, что этические решения зависят от ситуации и степени вовлеченности лиц.

Большинство респондентов указали на то, что чиновники, склонные к коррупции, имеют некую личную мораль, включающую универсальные этические диспозиции, но в то же время им чужда профессиональная этика. Они рассматривают свою работу как открывающиеся перед ними возможности, успех в которых зависит от предпринимаемых ими действий и креативности их команды. Умение заработать на таких должностях рассматривается ими не как антиобщественная деятельность, а как самовознаграждение, адекватное тому статусу и уровню в иерархии, которых они достигли.

Осторожное отношение к обходу обозначенных законом запретов и ограничений является основанием для дихотомической типологии коррупционеров. Опрошенные выделили две стратегии, различающихся в степени рискованности

² О проведении федеральными государственными органами оценки коррупционных рисков: Письмо Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 25.12.2014 г. № 18-0/10/В-8980. URL: https://minpromtorg.gov.ru/common/upload/docVersions/5a8af7131de71/actual/Pismo_Mintruda_Rossii_ot_25.12.2014_N18-010V-8980.pdf.

поведения. «Осторожные» в меньшей степени ориентированы на деньги и статус, они больше заботятся о своей безопасности, тогда как для «безбашенных» деньги и статус важнее их личной безопасности, и они предпринимают решительные действия. В этой типологии ресурсы (деньги и статус) «безбашенные» рассматривают как средство для достижения исключительных привилегий, желая получить иммунитет неприкасаемости и вседозволенности (вхождения в касту «неприкасаемых»).

Респонденты отмечают, что отсутствие эффективно имплементированных этических инструментов на государственной и муниципальной службе способствует искажению моральных принципов, привнося в дискурс самооправдания больше аргументов, педалирующих распространенность коррупционных практик. Это способствует и медленному перерождению «субъективиста», имеющего минимальный арсенал объяснений и самооправданий, в «циника», решительно настроенного на игнорирование правил и вырабатывающего хитрые стратегии обхода различного рода запретов.

Отвечая на вопросы интервьюеров, чем отличались коррупционеры прошлых лет от коррупционеров нынешнего времени, респонденты говорили о возросших ожиданиях и расширении границ возможного. В отношении муниципальных служащих, занимающих коррупционно опасные должности, респонденты высказывались как о чиновниках, утративших с 1990-х годов самостоятельность и легче соглашающихся идти на сделку с совестью. Таким образом, со снижением самостоятельности муниципальных служащих и одновременно возросшим повышением управляемости властной вертикали в чиновниках, склонных к коррупции, сформировались чувства вседозволенности и превосходства, развились психологические черты беспринципного циника, отражающиеся в «темной триаде» («нарциссизм», «макиавеллизм» и «психопатия»).

При выделении еще одной классификации коррупционных стратегий — коррупции хищника (вымогательство взятки, доли в бизнесе, участие в рейдерстве и т. д.) и коррупции комфорта (взаимовыгодное предоставление услуг по более оперативному и комфортному получению государственных услуг и необходимых разрешений, согласований и др.), — были высказаны мнения, что первая стратегия чаще применяется чиновниками, занимающими более высокие должности в бюрократической иерархии, тогда как коррупция комфорта свойственна средним и мелким чиновникам. Также высказывались мнения, что коррупция хищника в большей степени свойственна силовому блоку исполнительной власти, а коррупция комфорта — государственным служащим административного блока в коррупционно опасных сферах. Кроме того, респонденты, имеющие отношение к надзору в сфере антикоррупционной деятельности, отмечали, что антикоррупционные усилия правоохранительных органов чаще направлены на борьбу

с коррупцией комфорта в силу атомизированности должностных лиц, склонных к совершению таких правонарушений, их низкой организованности, небольшой емкости и величины размера коррупционной ренты, влияющих на низкую способность к агрессивной защите. В этой связи противодействие коррупции хищника сопряжено с очевидными сложностями: противостоянием со сплоченным общими обязательствами сообществом с единым центром субординации, располагающим зачастую большими финансовыми и административными ресурсами для нивелирования «внештатных» ситуаций. По мнению экспертов, «коррупция комфорта» — это не более 20 % всех коррупционных нарушений, тогда как более 80 % коррупции — это коррупция, связанная с «психологией хищника», психологией «наемного убийцы»³.

В репликах респондентов часто звучит мнение, что мотивация коррупционных правонарушений обусловлена не столько материальным интересом, сколько стремлением к власти больших открывающихся возможностей, а также компенсацией (возмещением) потраченных (недополученных) ресурсов (материальных, временных и т. д.).

Самооправдание коррупционеров респонденты раскрывают чаще всего в рамках теории коллективных действий (теории «разбитых окон»⁴), механизма социального сравнения и понимания в диапазоне границ поведения от девиантного (отклоняющегося от нормы) до деликвентного (противоправного поведения должностного лица в виде действия или бездействия).

Сам дискурс самооправдания у большинства чиновников-коррупционеров при сделках с совестью, безусловно, разворачивается только в русле понимания юридических ограничений при оперировании понятием «справедливость». Именно субъективное понимание справедливости позволяет чиновникам-коррупционерам, по мнению респондентов, самостоятельно запускать арифметическую пропорцию «почестей и тягот»⁵.

Эксперты указывают на сложившуюся в российском социуме культуру открытости и отзывчивости (отсюда и культура «брать — давать», восстанавливая справедливость в каких-либо общественных отношениях, в том числе между гражданином (предпринимателем) и чиновником), но не на выработанное в российском

³ Вопрос задавался только экспертам федерального уровня, осуществляющим надзор в сфере антикоррупционной деятельности. Им предлагалось расположить «бегунок» на континууме от «коррупция комфорта» (0 %) до «психология хищника» (100 %) (при единице деления шкалы в 20 %). Эксперты сообщали о превалировании в практике коррупционной стратегии хищника, размещая бегунок на делении 80 %.

⁴ Wilson J. Q., Kelling G. L. (1982) Broken Windows: The Police and Neighborhood Safety. The Atlantic Monthly. Vol. 249. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/1982/03/broken-windows/304465/>.

⁵ Прокофьев А. В. Понятие «социальная справедливость» в истории этической мысли (к вопросу об исторических изменениях типологии справедливости) // Вестник Московского ун-та. Сер. 7. Философия. 2010. № 6. С. 36—53.

культурном коде право на закрытость и отказ, умение сказать «нет», не обидев обращающегося и не выставив его в неприглядном свете.

Опрошенные отмечают высокую значимость личного (не)этического лидерства руководителя, формирующего ведомственную этику и организационную культуру, которые позволяют всем работникам ориентироваться на (не)добропорядочное поведение при исполнении ими служебных обязанностей. Поэтому для снижения коррупции в том или ином исполнительном органе необходима не только четкая артикуляция этических принципов в публичном пространстве, идущая от руководства, но и личный пример со стороны руководства.

Интервьюируемые высказываются в пользу эффективности юридических запретов в деле снижения коррупции, но говорят также и о явной их недостаточности и необходимости более интенсивной деятельности по имплементации созданных этических кодексов и других инструментов, направленных на поддержание профессиональной этики на государственной и муниципальной службе.

В ходе интервью эксперты указывают на повышение стоимости коррупционных действий и более тщательную их ретушируемость в связи с усложнением процедуры легализации (отмывания) денег, полученных преступным путем.

Многие опрошенные считают, что различия в коррупционных стратегиях «крутой обрыв» и «скользящий склон»⁶ проявляются в зависимости от уровня иерархии. По мнению опрошенных, чиновники высокого уровня, склонные к коррупционному поведению, не используют в своих повседневных практиках стратегию «скользящего склона», делегируя ее на нижестоящий уровень по принципу МЛМ⁷, который оставляет себе часть ренты, а сами открыты для реализации стратегии «крутого обрыва».

Большинство респондентов подмечают, что чиновники-коррупционеры осознают общественное мнение и выраженное неприятие (граничащее с раздражением) их демонстративного поведения в вопросах потребления предметов роскоши как желания подчеркнуть свой статус и принадлежность к элите. Культивирование ценностей умеренного потребления в организационной культуре отдельных ведомств и на государственной (муниципальной) службе в целом может выступать сдерживающим фактором демонстративного поведения, вынуждающим должностных лиц соблюдать этические стандарты.

⁶ Стратегии, выделенные Нильсом Кристофером Кёбисом в работе: Köbis N.C. (2018) *The Psychology of Corruption*. Amsterdam: University of Amsterdam. Под «скользящим склоном» понимаются довольно часто повторяющиеся коррупционные практики с небольшими по размеру взятками, тогда как «крутой обрыв» представляет собой разовую возможность крупного коррупционного правонарушения.

⁷ Принцип многоуровневого маркетинга (multilevel marketing), позволяющий в коррупционных схемах выстроить сеть рентной торговли.

Эксперты смогли указать на отсутствие конкурсов (или недостаточно прозрачные и честные критерии конкурсов) при подборе кандидатов на должность руководителей и на должности, сопряженные с коррупционно опасными функциями, в связи с чем пришедшим во власть легче организовывать какие-либо коррупционные схемы.

Многие респонденты считают недопустимым, чтобы пост муниципального депутата занимал предприниматель, имеющий коммерческие интересы на данной территории, в связи с высокой вероятностью преследования им собственного меркантильного интереса, то есть склонности к оппортунистическому поведению. По мнению респондентов, общество, допустив таких людей во власть, позволяет им обслуживать не общественно значимые интересы, а свои собственные, причем на законных основаниях.

Опрошенные отмечают, что большинство коррупционеров — верующие люди. Их вера в Бога представляет собой не набор универсальных моральных принципов и ограничений, следование которым может даровать вечную жизнь после смерти. Наоборот, богатство и удача в этой жизни для них являются знаком, указывающим на их виртуозную предприимчивость, а отсутствие кары — на богоизбранность. Принятие религиозности у них происходит не на основе православного смирения или протестантского служения, а на основе декларируемых в обществе потребления ценностей безграничной личной свободы и материального интереса в сопряжении с факторами удачливости и везения. Они воспринимают свою коррупционную деятельность не как греховность и повод для угрызения совести, а, напротив, как большую удачу в жизни, дарованную Богом, и боятся прогневить Его.

© Александр Дмитриев, специально для Социодиггера

Таким образом, сделанное ранее предположение, что у российских чиновников, склонных к коррупции, существует довольно высокая степень релятивизма, поддерживающая личные моральные стандарты и отвергающая универсальные моральные принципы, подтвердилось результатами проведенного исследования. Действительно, у рассматриваемой категории должностных лиц имеется аргументированное и обоснованное мнение в пользу этической идеологии скептицизма и убежденность в том, что этические решения зависят от ситуации и степени вовлеченности лиц. Их идеология представляет собой компромисс между потенциальными выгодами и потенциальным вредом от нарушения этического запрета.

Резюме исследования

1. Ключевые черты коррупционера, о которых сообщают респонденты, — это острый ум, цинизм, профессиональные компетенции, а также чувство вседозволенности и чувство собственного превосходства. Все без исключения респонденты сообщили, что российские коррупционеры имеют аргументированное и обоснованное мнение в пользу этической идеологии скептицизма. По их убеждению, этические решения зависят от ситуации и степени вовлеченных лиц. Они готовы игнорировать установленные правила, руководствуясь своими индивидуальными ценностями, оппортунистическими мотивациями и прагматичными взглядами. Действия коррупционеров респонденты объясняют чаще всего в рамках теории коллективных действий (теории «разбитых окон»), механизма социального сравнения и понимания, что вариативность их поведения находится в диапазоне от девиантного до деликвентного.

2. Исходя из классификации коррупционеров, придерживающихся стратегии коррупции хищника либо приверженных к коррупции комфорта, были высказаны мнения, что первой стратегии чаще следуют чиновники, занимающие высокие должности в бюрократической иерархии, тогда как коррупция комфорта более распространена среди коррупционеров среднего и низового уровня. Также респонденты высказывали мнения, что стратегия хищника наиболее характерна для силового блока исполнительной власти, а коррупция комфорта — для административного блока. В оценках экспертов значительно превалирует в денежном объеме и в количестве ситуаций стратегия хищника (более 80 % всех коррупционных случаев в России), тогда как коррупция комфорта составляет не более 20 %.

3. Респонденты усмотрели различия в стратегиях «крутого обрыва» и «скользкого склона», сообщив, что эти стратегии осваиваются чиновниками-коррупционерами в зависимости от их уровня в иерархии. Чиновники высокого уровня, склонные к коррупционному поведению, предпочитают делегировать коррупционные практики «скользкого склона» на нижестоящий уровень по принципу МЛМ, оставляя

себе часть ренты и открываясь для стратегии «крутого обрыва», что снижает вероятность попасться на коррупционном деянии.

4. Существующие для должностных лиц этические кодексы воспринимаются большинством как формальность. Отсутствие комплаенс-подразделений и программ по организационной этике с объяснением ролевой модели этического поведения на примерах руководителей высшего звена усугубляет ситуацию. При этом завуалированность случаев этического и неэтического поведения с имплементацией этических инструментов и процедур, поддерживающих организационную культуру с обеспечением открытой дискуссии по вопросам этики и возникающих этических дилемм, можно интерпретировать как «лицемерное оформление витрин»⁸.

5. Система личных компромиссов и верований современного российского чиновника-коррупционера позволила этой категории должностных лиц свое понимание религии, объясняющее богоизбранность успешного, удачного и предприимчивого чиновника, использующего свои полномочия в публичной сфере для личного обогащения, которому не чуждо и просоциальное поведение.

6. Респонденты смогли высказать ряд рекомендаций, которые сводятся к следующему: введение ускоряющих платежей⁹ за предоставление государственных услуг, получения разрешений/согласований и др., ограничения на право избираться в законодательные органы местного самоуправления для лиц, ведущих предпринимательскую деятельность на данной территории, поддержание профессиональной этики, имплементация этических стандартов в работе государственных и муниципальных служащих.

⁸ «Hypocritical window-dressing» — термин, предложенный в 1970 году М. Фридманом.

⁹ Ускоряющие платежи — это оплата повышенного тарифа за предоставление государственных услуг в более сжатые сроки.